

КАКЪ РАЗВИВАЛАСЬ

ИСТОРИЧЕСКИ

ВЯРСКАЯ

БОГАТЫРСКАЯ

МОЩЬ

РУССКАГО НАРОДА

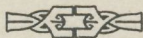
Г. МАНЖОСЬ

КАКЪ РАЗВИВАЛАСЬ
ИСТОРИЧЕСКИ
БОГАТЫРСКАЯ МОЩЬ
РУССКАГО НАРОДА.

Рѣчь преподавателя Г. Н. МАНЖОСА

на торжественномъ актѣ въ Ревельской Императора
Николая I Гимназіи — 29 марта 1915 года — по случаю
100-лѣтняго юбилея Александровскаго Комитета о раненыхъ
и учреждаемаго съ ВЫСОЧАЙШАГО одобренія въ связи
съ этимъ юбилеемъ ежегоднаго военно-народнаго празд-
ника въ воскресенье 9-миной недѣли.

КАКЪ РАЗВНВАДАСЪ

ИСТОРИЧЕСКИ

БОЛАТЫРСКАЯ МОЩЬ

РЪССКАТО НАРОДА.

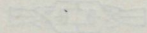
Дозв. военн. цензурою

Ar 915

Манжос

AR	Fr. R. Kreuzwaldi
	n.m. ENSV Riiklik
	Raamatukogu

56 825

I.

Военный праздникъ... Притомъ — народный. Не манифестація по поводу какой-нибудь единичной, хотя бы и самой блестящей побѣды нашей, не бурный взрывъ восторга, скоро переходящаго въ спокойное радужное настроеніе и затѣмъ постепенно изглаживающагося, — а сознательная, — жизнерадостная, но въ то же время историческая оцѣнка военной мощи родного героическаго народа, приведшая русскаго человѣка къ мысли почтить эту мощь *ежегоднымъ* праздникомъ — на вѣчныя времена, пока существуетъ Россія вмѣстѣ съ родною своею землей.

Какъ и все въ мірѣ, мощь эта выковывалась постепенно: кто изъ насъ не знаетъ, что:

...„въ искушеньяхъ долгой кары,
Перетерпѣвъ судебъ удары,
Окрѣпла Русь,“ —

что:

„такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.“

Въ этотъ полный историческаго глубокомыслия торжественный день каждый — и военный, и невоенный русскій человѣкъ долженъ «житейское отложить попеченіе» и, приподнявъ завѣсу вѣчности, хоть на короткое время погрузиться въ созерцаніе отошедшаго въ эту вѣчность русскаго воинственнаго прошлаго.

Олеговъ щитъ на вратахъ того самаго . . . . *града*, къ которому приближается теперь нашъ и дружественный намъ союзный флотъ—вотъ альфа и омега всего того, что привело къ установленію сегодняшняго праздника. Олеговъ щитъ на этихъ историческихъ вратахъ — вотъ зародышъ русской военной славы.

Удивительный это былъ походъ нашего перваго историческаго государя! Огромная, дотолѣ инертная славянская и неславянская масса, населявшая необозримыя равнины нынѣшней матушки-Россіи и, казалось, только и умѣвшая быть безотвѣтной жертвой варварскихъ нашествій, — вся эта еще языческая масса вдругъ поднялась, вдохновляемая воинственнымъ вождемъ своимъ, сдвинулась съ многовѣкового своего насѣста и на двухъ тысячахъ кораблей поплыла по днѣпровскимъ и черноморскимъ волнамъ — туда, откуда впоследствии пролился на Русь свѣтъ христіанства, и куда послѣ этого мы ужъ болѣе не являлись проливать христіанскую кровь—вплоть до нынѣшняго момента, когда не сегодня—завтра къ стѣнамъ этого же самаго Константинова града, по знакомымъ уже волнамъ, снова явятся русскіе ко-

рабли во всемъ величїи своего военнаго могущества, чтобы замѣнить сіяющимъ крестомъ магометанскїй полумѣсяцъ на куполъ Софїйскаго собора.

Тогда, при Олегѣ, наши предки-младенцы не сознавали еще, на что они поднимають руку. Святыня Софїи была имъ такъ же чужда и непонятна, какъ и нынѣшнимъ цареградскимъ сынамъ Аллаха. Имъ тогда еще не нужны были духовныя сокровища византїйской вѣры и государственности, ихъ не интересовало ни Божїе, ни кесарево въ этомъ великомъ наслѣдїи геніальной Эллады. *Добычу*, только добычу имъ нужно было тогда. Правда, воинственный вождь уже ощущалъ тотъ зудъ политическаго тяготѣнїя къ югу, который руководилъ дѣятельностью его ближайшихъ преемниковъ, да и его самого заставилъ перенести столицу изъ холоднаго Новгорода въ поэтическїй Кїевъ. Не спроста, конечно, подбирались всѣ они къ берегамъ Босфора; что и говорить—занятно имъ было бы еще далѣе передвинуть русскую столицу по пути, по которому ежегодно направляется нашъ пернатый мїръ въ тѣ благословенныя страны, гдѣ нѣтъ зимы, гдѣ земля развертываетъ всю свою производительную силу, и гдѣ Провидѣнїе помѣстило даже самую колыбель человѣчества. Но все это было еще вопросомъ будущаго — даже для преемниковъ Олега, не только для него самого. А вотъ—добыча, да не только такая, которая явилась бы для русской земли не болѣе какъ единовременнымъ пособїемъ, а такая, которая и *на будущее время* обезпечивала бы улучшенїе благосостоянїя

народу, стонавшему подъ бременемъ хронической нищеты, естественнаго слѣдствія хищническихъ набѣговъ степи, всегда висѣвшихъ Дамокловымъ мечомъ надъ головами нашихъ предковъ.

И въ этомъ направленіи Олегъ достигъ дѣйствительно блестящихъ результатовъ.

Когда читаешь текстъ заключеннаго имъ съ греками договора и подводишь итоги всему, что «выговорили» себѣ русскіе, то невольно испытываешь что-то вродѣ неловкости... Слишкомъ ужъ безцеремонно обобрали тогдашнихъ грековъ наши почтенные предки.

Не говоря уже о томъ, что на *каждаго* изъ 80 тысячъ участниковъ этого побѣдоноснаго похода Олегъ потребовалъ кучу денегъ, *только за согласіе вступить въ мирные переговоры*, — произведено было исчисленіе контрибуціи даже и на неодушевленные предметы — *на каждый изъ крюковъ*, которыми были снабжены корабли Олега. Надо думать, что, имѣя въ виду такую систему денежныхъ расчетовъ съ византійскимъ правительствомъ будущій русскій побѣдитель, снаряжаясь въ походъ, позаботился о томъ, чтобы побольше набрать съ собой этихъ крюковъ...

Дальнѣйшее опредѣленіе размѣровъ добычи произведено было по городамъ: на Кіевъ побѣжденные должны были уплатить такую-то сумму, на Черниговъ — такую-то... на Любечъ, на Полоцкъ, на Переяславль, на Ростовъ — на каждый городъ...

Но самое главное было созданіе выгодныхъ условій для русской торговли съ Византіей. Въ

текстъ договора введенъ былъ пунктъ, обязывавшій греческое правительство *въ теченіе 6 мѣсяцевъ доставлять даровое содержаніе всѣмъ русскимъ, которые будутъ являться въ Царьградъ по торговымъ дѣламъ*,—и не какое-нибудь тощее содержаніе, а такое, которое удовлетворяло бы вполнѣ ихъ утробы богатырскія: тутъ же приведенъ былъ точный перечень всего, что должно было доставляться русскимъ купцамъ: и вино, и хлѣбъ, и мясо, и рыба, и овощи; не забыты были даже бани... На возвратный путь русскіе купцы должны были получать и якоря, и канаты, и паруса, словомъ — все необходимое.

Бѣдные греки только для виду «выговорили» себѣ кое-что... Но эти *ихніе* пункты договора нельзя читать безъ улыбки... Когда будутъ являться въ Царьградъ русскіе, то—чтобы проживали они въ одномъ только кварталѣ города, и чтобы входили въ городъ одними воротами, числомъ не болѣе 50 человѣкъ, и — въ сопровожденіи представителей византійскаго правительства.

Одно существенное, что нѣсколько стыдливо выговорили себѣ греки, — былъ такой пунктъ: даровое полугодичное содержаніе греческое правительство будетъ доставлять только тѣмъ русскимъ, которые будутъ являться въ Царьградъ дѣйствительно для купли-продажи. Если же найдутся на Руси такіе любители путешествій, которые будутъ пріѣзжать только съ цѣлью пожуировать въ современномъ греческомъ Парижѣ, то ужъ они пускай проживаютъ тамъ на свой счетъ.

Передъ отъѣздомъ изъ Царьграда Олегу еще показалось мало, и онъ еще захотѣлъ сорвать... Въ дорогу его и его войско византійское правительство должно было снабдить соотвѣтствующими харчами, главнымъ образомъ — винами и деликатесами по части разныхъ салатовъ; кромѣ того, они еще такія залежи шелковыхъ матерій набрали съ собой (вѣроятно — гостинцы дамамъ), что дорогой побѣдителю взбрела въ голову довольно таки дикая фантазія — распялить эти шелковыя матеріи въ качествѣ парусовъ. Съ грустью вздохнули, вѣроятно, потомъ русскія красны-дѣвицы да молодушки, узнавъ о такомъ варварскомъ неуваженіи этихъ мужчинъ къ костюмной эстетикѣ и къ хозяйственной экономіи...

Вернувшись въ Кіевъ, Олегъ, какъ говоритъ лѣтопись, «пристроилъ воиновъ въ прокъ», т. е., очевидно, установилъ опредѣленную организацію войска на мирное время. Вотъ гдѣ зародышъ нашихъ казармъ, карауловъ и т. п. Кіевъ съ этого момента сталъ официальнымъ военнымъ городомъ.

«Онъ — волшебникъ», сказалъ про Олега народъ и тутъ же сложилъ сказку о томъ, какъ Олеговы корабли катились къ Царьграду на колесахъ по сушѣ силою вѣтра и парусовъ — своего рода зародышъ идеи гидроплана.

Не подумайте, что я намѣренъ копаться такимъ образомъ въ каждой страницѣ историческихъ русскихъ войнъ. Я хочу только въ нѣсколькихъ

мѣстахъ выхватить нужные для развитія моей основной мысли этюды, имѣющіе не только исторической, но и поэтической характеръ.

Пропуская все, что сдѣлали блестящаго потомки Олегова преемника въ лѣтописяхъ войны, какъ слишкомъ извѣстное по учебникамъ исторіи, я остановлю теперь вниманіе на началѣ самаго мрачнаго періода нашего государственнаго и военнаго прошлаго — періода удѣльно-вѣчевого.

Постепенно замолкали звуки воинственной славы Владимира Мономаха и, наконецъ, совсѣмъ замолкли при его бездарномъ внукѣ. Стало развиваться постыднѣйшее въ исторіи нашего государства явленіе — приведеніе половцевъ на русскую землю самими же русскими князьями, которые жертвовали отечествомъ ради личныхъ раздоровъ. Призадумался тогда серьезно идеальнѣйшій народный богатырь-крестьянинъ Илья Муромецъ въ своемъ родномъ селѣ Карачаровѣ. Сказочное сидѣнье его безъ рукъ, безъ ногъ давно уже прекратилось — въ концѣ X-го вѣка, когда пришли къ нему подъ видомъ нищей братіи самъ Христосъ и два апостола. Но мысль о *политическомъ* выступленіи до сихъ поръ не приходила въ голову Ильѣ. Когда «нища братія» заставила его встать, и онъ впервые ощутилъ въ себѣ великую богатырскую силу, онъ просто отправился на свою работу крестьянскую и занять былъ ею ровно полтора столѣтія — какъ разъ до того момента,

когда упомянутый внукъ великаго Мономаха настолько унижилъ престижъ кievской государственной власти, что население Кieва, во главѣ съ представителемъ Церкви, безъ всякой церемоніи сказало ему: «Уходи отъ насъ, не хотимъ за тебя воевать». Какую же защиту могъ дать государству этотъ князь?

И надумался Илья ѣхать въ Кieвъ и самому взяться за дѣло защиты родной земли. Это было, значитъ, приблизительно въ половинѣ XII-го вѣка — время, къ которому, какъ мнѣ кажется, и должна быть относима былина о выѣздѣ Ильи изъ родного села.

Въ высшей степени щекотливая задача предстояла Ильѣ, и нельзя не удивляться тому, съ какимъ тактомъ выполнилъ ее этотъ богатырь-деревенщина, какъ корректно дѣйствовалъ онъ по отношенію къ дискредитировавшей себя кievской княжеской власти. Не успѣлъ онъ еще доѣхать до Кieва, какъ ему уже было предложено черниговское воеводство, какъ дань народной признательности за совершенный имъ мимоходомъ подвигъ освобожденія черниговцевъ отъ невѣрной (повидимому—половецкой) силы. Благородный мужикъ захотѣлъ остаться мужикомъ: онъ отказался отъ предложенной ему чести и отправился своею дорогой—чтобы «заложиться за» кievскаго стольнаго князя и образовать въ помощь его оффиціальной дружинѣ свою, народную дружину.

Но если поведение самого Ильи въ отношеніи князя не давало этому послѣднему чувствовать

свое фальшивое положеніе (исключая сравнительно немногіе случаи, когда даже Илья не могъ не поставить на видъ князю его неблаговидное поведеніе), — то лица, окружавшія князя и Илью, а также сами авторы былины не стѣснялись въ этомъ отношеніи. Побѣжденный Ильєю и приведенный имъ въ Кіевъ Соловей-разбойникъ ведетъ себя до того вызывающе по отношенію къ князю, что, находясь у него на дворѣ, прямо заявляетъ ему: «Не у тебя я сегодня кушаю, не тебя я, князя, и слушаю, а слушаю богатыря Илью Муромца.» И авторъ былины тоже не скупится на самыя отталкивающія краски, чтобы только представить образъ князя съ отрицательной стороны: побуждаемый чисто дѣтскимъ любопытствомъ — услышать богатырскій посвистъ Соловья, онъ совершенно забываетъ свое княжеское достоинство, проявляетъ полную нечувствительность къ дерзостямъ разбойника, угодливо бѣжитъ самъ за виномъ, чтобы утолить его жажду, и чтобы «распечатались его уста сахарныя» опять таки для того же самаго интригующаго всѣхъ посвиста; а когда этотъ посвистъ, наконецъ, грянулъ оглушительнымъ громомъ, то князь вмѣстѣ съ другими любопытными очутился въ самомъ жалкомъ положеніи.

Какое же отношеніе, спросите вы, имѣетъ все это къ нашему военному прошлому и къ сегодняшнему празднику русской военной мощи?— Отношеніе очень глубокое...

Пало значеніе кіевскаго стольнаго князя и его удѣльныхъ родственниковъ, пало и

значеніе дружины, т. е. нашей древне-русской арміи.

Не будемъ смущаться тѣмъ, что пришлось вспомнить объ этомъ въ нынѣшній день, посвященный восхваленію исторической военной мощи русскаго народа. Восхваленіе проигрываетъ отъ замалчиванія отрицательныхъ моментовъ...

Въ то самое время, когда народный эпосъ совершенно безнадежными глазами смотрѣлъ на судьбу русскаго дружинно-княжескаго строя, — изъ среды этого послѣдняго вдругъ раздался вдохновенный, художественный голосъ горячаго патріота, закаленнаго воина-дружинника, всею душою преданнаго русской землѣ и не менѣе бывшихъ пѣвцовъ скорбѣвшаго о ея разореніи, но въ то же время смотрѣвшаго нѣсколько оптимистичнѣе на современную политическую дѣйствительность. Голосъ этотъ раздался уже въ послѣдней четверти XII-го вѣка, въ связи съ неудачнымъ походомъ Новгородъ-Сѣверскаго князя Игоря на половцевъ.

— Такъ нѣтъ же, чертъ возьми, не такъ уже безнадежно стоитъ на Руси военное дѣло, какъ думаютъ объ этомъ былевые пѣвцы! говорилъ этотъ воинственный поэтъ. — Плохо-то плохо, что и говорить! Но — есть еще порохъ въ пороховницахъ! Хоть и слѣдовало бы пробрать хорошенько нашихъ князей за ихъ раздоры да измѣну русской землѣ, да равнодушіе къ несчастіямъ сосѣднихъ родныхъ областей, но все-таки есть между ними

люди, которые могут и Волгу разбрызгать веслами, и Донъ вычерпать шлемами!

Такъ, по моему, слѣдуетъ формулировать художественно-политическую идею «Слова о полку Игоревѣ.»

Знаменитый этотъ памятникъ нашей старины, между прочимъ, заключаетъ въ себѣ историческій зародышъ той довольно широкой литературной области русскихъ одъ, которая посвящена побѣдамъ русскаго оружія, и которая впервые развернулась въ своемъ зрѣломъ видѣ подъ перомъ великаго «поэта-мурзы», пѣвца Фелицы. Одно изъ самыхъ лучшихъ мѣстъ этого историческаго памятника, такъ называемое «золотое слово Святослава» — есть не что иное, какъ наше древнее «Громъ побѣды раздавайся, веселися храбрый Россъ» . . .

Позвольте въ этотъ торжественный день, день исторической славы русской арміи, сосредоточить ваше вниманіе на художественныхъ образахъ этого самаго «золотого слова», которое «изронилъ, смѣшавъ его со слезами», современный стольно-кїевскій князь Святославъ. Кстати, этотъ отрывокъ знаменитаго нашего литературнаго памятника не пользуется особенной популярностью и даже не входитъ въ кругъ обязательнаго ученическаго чтенія.

«Вы, герои—Романъ и Мстиславъ! Храбрый порывъ увлекаетъ вашъ духъ на воинскій подвигъ! Высоко парите вы въ доблести воинской, словно соколъ, на вѣтрахъ паряцій, когда въ нападеніи яростномъ хочетъ птицу онъ одолѣть!

На груди у васъ латы желѣзныя, на главахъ у васъ шлемы латинскіе!.. Подъ тяжестью ихъ затрещала земля, и пали многія страны. Литва и ятвяги, и половцы побросали копыя свои и головы свои склонили подъ ваши грозные мечи!

Ингварь и Всеволодъ, и всѣ три Мстиславича, что жъ ваши копыя, щиты? Что-жъ ваши польскіе шлемы златые? Заградите стрѣлами дорогу врагамъ! За русскую землю, за Игоревы раны, за раны удалого Святославича!

Ты, доблестный Рюрикъ, ты, славный Давидъ! Не ваши ли шлемы златые тонули въ поганой крови? Не ваши ли храбрые ратники грозны, какъ раненый туръ? Вступите, господа, въ золотыя стремяна, отомстите врагамъ за обиды, — за русскую землю, за Игоревы раны, за раны удалого Святославича!

Ярославъ-Осьмомысль, герой *Галичскій!* (особенно интересная въ настоящее время фигура!) Высоко ты возсѣдаешь на своемъ столѣ златокованномъ! Карпатскія горы подперты твоими полками желѣзными! Заграждаешь венграмъ ты путь, въ твоей власти ворота Дуная,—въ облакахъ, чрезъ вершины Карпатъ, переходятъ войска твои съ боемъ и обозы тяжелые ихъ.

Грозно имя твое во всѣхъ странахъ! Доступъ въ Кіевъ ты можешь открыть! Съ отцовскаго престола золотого стрѣлами поражаешь ты султановъ—на далекомъ разстояніи, за предѣлами страны.

Срази, государь, Кончака, раба-варвара,

срази его, чтобы отомстить — за русскую землю, за Игоревы раны, за раны удалого Святославича!»

А вотъ дивная характеристика тѣхъ «закаленныхъ воиновъ», изъ которыхъ состояли дружины этихъ героевъ — князей:

Подъ трубами колыбель ихъ была,
подъ шлемами на рукахъ ихъ носили;
и не грудью материнской ихъ кормили,
а концомъ копья...

Пути имъ извѣстны,
овраги имъ знакомы,
луки у нихъ натянуты,
колчаны открыты,
сабли отточены;
сами рыщутъ въ полѣ,
какъ сѣрые волки,
ища себѣ чести,
а князю славы...

Такъ рисовалъ вдохновенный художникъ героизмъ русской арміи XII-го вѣка.

Что же значитъ эта глубокая рознь между поэзіей войсковою и поэзіей крестьянской въ освѣщеніи нашего дружинно-княжескаго строя? Положимъ, въ народно-богатырской дружинѣ, образованной Ильєю Муромцемъ, отведено довольно почетное мѣсто дружинно-княжескому сословію въ лицѣ богатыря Добрыни; но все-таки этотъ богатырь уступаетъ Ильѣ и въ доблести, и въ боевыхъ успѣхахъ, и въ критической самооцѣнкѣ вообще.

Что же значитъ, повторяю, то, что народъ, какъ бы совсѣмъ не замѣчалъ тѣхъ образцовъ

русскаго дружинно - княжескаго героизма, передъ которыми съ такимъ восторгомъ преклонялся авторъ «Слова о полку Игоревѣ»? Какая поэзія ближе къ истинѣ — дружинная или земская?

При поверхностномъ взглядѣ на эту сторону нашего историческаго прошлаго, естественно, рождается два противоположныхъ отвѣта на только что поставленный вопросъ: или — слишкомъ увлекался пѣвецъ Игоря, такъ какъ онъ самъ принадлежалъ къ княжеской дружинѣ, а извѣстно — всякъ куликъ свое болото хвалить; или — недостаточно уменъ былъ народъ, чтобы понять и оцѣнить такихъ героевъ, какъ галичскій Осмомыслъ - Ярославъ и другіе князья, воспѣваемые въ «золотомъ словѣ» Святослава.

Ни то, ни другое не соотвѣтствуетъ истинѣ. Не лгалъ пѣвецъ Игоря, утверждая, что были герои на Руси и въ самыя мрачныя времена; не заблуждался и народъ въ своемъ скептическомъ отношеніи къ этимъ героямъ. Разошлась земская поэзія съ дружинной во взглядахъ на древне-русское военное сословіе потому, что, по мнѣнію пѣвца Игоря, тогдашней дружинно-княжеской Руси достаточно было только *соединиться для дружныхъ дѣйствій противъ враговъ*, и дѣло было бы въ шляцѣ; земщина же отлично понимала, что мечты о такомъ блаженномъ соединеніи при тогдашнихъ условіяхъ представляли собою чистѣйшую утопію, и благородный призывъ къ этому соединенію со стороны автора «Слова о полку Игоревѣ» былъ гласомъ вопіющаго въ пустынь.

Что нужно было сдѣлать, чтобы исторически реализовать этотъ таившійся въ нѣдрахъ русской народной жизни героизмъ, дать возможность и дружинной, и земской силѣ достигнуть оцѣнительныхъ результатовъ — этого земская поэзія пока еще не сознавала, но она смутно чувствовала, что время откроетъ эту тайну.

И дѣйствительно тайна эта открылась.

Открылась она въ связи съ однимъ изъ ужаснѣйшихъ въ лѣтописяхъ міра государственныхъ всенародныхъ испытаній — съ татарскимъ игомъ.

Лежа послѣ битвы на Калкѣ подъ досками, на которыхъ обѣдали узкоглазые побѣдители наши, несчастные русскіе князья быть можетъ впервые почувствовали въ своихъ сердцахъ искреннюю скорбь глубокаго политическаго покаянія...

Съ этого ужаснаго момента Русь пошла дѣйствительно новымъ путемъ. Мы стали приглядываться къ нашимъ побѣдителямъ и переняли отъ нихъ нѣчто такое, при помощи чего ихъ же самихъ и сбросили съ нашей шеи черезъ два съ половиной столѣтія.

Не стану, конечно, развивать слишкомъ общезвѣстное историческое положеніе о вліяніи татарскаго ига на идею московскаго единодержавія. Остановлю вниманіе только на томъ, какъ изображаетъ аллегорически этотъ переходъ къ новымъ временамъ земская народная поэзія.

Есть былина, повѣствующая о томъ, какъ прекратилась историческая дѣятельность народной

дружины, во главѣ которой стоялъ Илья, и «какъ *перевелись* витязи на святой Руси». Эти послѣднія слова, которыми и заключается названная былина, въ первый моментъ вызываютъ непріятное недоумѣніе. Что это значитъ: перевелись витязи на святой Руси? Изсякъ порохъ въ пороховницахъ? Неужели могъ русскій народъ, вступая въ новую, столь блестящую эру своего историческаго существованія, ощущая уже начало своего колоссальнаго государственнаго роста, неужели могъ онъ — вдругъ, ни съ того, ни съ сего, вообразить, что его богатырская сила оказалась парализованной? Очевидно, это было бы абсурдомъ.

Нѣтъ, другое думалъ богатырь Илья и его достойные товарищи, сходя съ арены русской государственной исторіи и уступая мѣсто новой, еще невѣдомой политической силѣ. Чувствовали они, что эта еще невѣдомая сила есть ихняя же собственная сила, таинственно претворенная въ нѣчто совершенно новое. Чувствовали они, что «великій князь Московскій и государь всея Руси» есть не кто иной, какъ новый великій русскій богатырь, такъ сказать — выкристаллизовавшийся изъ прежнихъ — и земскихъ, и дружинныхъ богатырей. Какъ въ былое время туманный богатырь Святогоръ передалъ дыханьемъ свою стихійную богатырскую силу Ильѣ Муромцу, такъ теперь, въ свою очередь, Илья и набранная имъ дружина вдохнули свою древнюю силу въ новаго — царственнаго богатыря. Совершилось великое историческое таинство, воспри-

нять которое удостоилась одна только русская земля: богатырь кулака и мышцъ пресуществился въ богатыря политической самодержавной идеи.

Былина рассказываетъ, что богатыри, ощущая въ себѣ неисчерпаемый запасъ силъ, воскликнули: «Подавай намъ силу нездѣшнюю! Мы и съ тою силою справимся!» И какъ только вымолвили они это слово, такъ и явилось двое воителей, которые пошли ихъ. Разрубили витязи каждого изъ нихъ пополамъ — стало четверо, и живы всѣ . . . разрубили опять каждого — стало восьмеро, и живы всѣ . . . , потомъ стало шестнадцать, и такъ дальше — все вдвое и вдвое . . . «А сила все растеть и растеть — все на витязей съ боемъ идетъ», говоритъ былина. Тогда то поняли богатыри, что время ихъ кончено, и попрятались въ пещеры, гдѣ тѣло лучшаго изъ нихъ — богатыря Ильи — осталось нетлѣннымъ. Словомъ — ушли къ Богу.

Съ перваго взгляда покажется страннымъ, какъ могъ завязаться такой ожесточенный бой — на жизнь и смерть — между богатырями удѣльныхъ временъ и новой царственной богатырской силой, если стоять на той точкѣ зрѣнія, что богатырство царственное есть прямое наслѣдіе богатырства земскаго и дружиннаго. Но если вспомнимъ деспотическій режимъ Москвы въ XVI, а отчасти и въ XV вѣкѣ, если вспомнимъ, что первымъ царственнымъ богатыремъ нашимъ былъ Іоаннъ Грозный, а его идейнымъ предшественникомъ могущественный дѣдъ

его, то слова былины о томъ, что новая сила все росла и росла, все на витязей съ боемъ шла, — слова эти нисколько не покажутся странными. Съ другою стороны, какіе бы пути ни пролагала себѣ народная философія русской исторіи, но шести- или семивѣковыя политическія привычки не могли, конечно, исчезнуть сразу — безъ боя съ невѣдомой еще новизной.

Такимъ образомъ историческая мощь русскаго народа, жившая издавна въ пахаряхъ и дружинникахъ, постепенно поднялась на высоту царскаго престола и уже оттуда должна была получить свою новую военную организацію.

II.

Бойко пошло дѣло при первомъ царственномъ богатырѣ, получившемъ имя Грознаго. Только на западѣ не удалось еще проявить себя новой русской силѣ. Но зато на востокъ далеко шагнула матушка-Русь! . . . А вѣдь востокъ-то и былъ для насъ всегда хроническимъ источникомъ нашихъ народныхъ и государственныхъ невзгодъ.

Когда Господь создалъ изъ персти земной тѣло перваго человѣка, то въ этомъ тѣлѣ еще не было души живой, пока Самъ Создатель не вдохнулъ ее въ это тѣло.

Когда русскій народъ создалъ въ лицѣ Иоанна IV новаго, царственнаго богатыря своего, то въ этомъ новомъ богатырѣ хотя и было глубокое сознаніе самодержавной богатырской идеи, но во всей полнотѣ свою богатырскую душу не успѣлъ еще русскій народъ вдохнуть въ свое новое культурно-историческое созданіе: идея помазанника Божія хотя и была воспринята нашимъ первымъ

царемъ, но не успѣла еще войти въ плоть и кровь его. Новому русскому богатырю и на престолѣ московскомъ еще нравились допотопныя привычки прежнихъ богатырей — «пороть груди бѣлыя и вынимать сердце съ печенью». Во всей полнотѣ получилъ душу живую этотъ новый русскій богатырь въ лицѣ набожнаго сына и преемника Грознаго царя.

У насъ многіе любятъ смаковать вопросъ о психическихъ аномаліяхъ Іоанна Грознаго и о слабости умственныхъ способностей его преемника — сына. По моему, этотъ вопросъ не стоитъ того вниманія, какое ему оказываютъ: былъ ли Іоаннъ Грозный психопатъ, былъ ли Феодоръ Іоанновичъ слабоумный — все равно оба они съ честью провели свои историческія роли и оказались каждый на своемъ мѣстѣ.

«Богъ возлюбилъ смиреніе царя» (говоритъ устами Пимена Пушкинъ про Феодора Іоанновича) «и Русь при немъ во славѣ безмятежной *утѣшилась*» . . . Все предсказывало быстрый ростъ русской военной мощи подъ эгидой новаго — самодержавнаго богатырства, не только физическаго, но и духовнаго, — какъ вдругъ угличская катастрофа пресѣкла ясный и плавный ходъ событій и вызвала цѣлый рядъ серьезныхъ замѣшательствъ. Почувствовавшая уже свою силу древняя армія наша снова упала духомъ . . .

Осиротѣла новорожденная идея русскаго царственнаго богатырства: не стало носителей этой

идеи — пресѣклась династія Святого Владимира.

Явилось нѣсколько авантюристовъ, пытавшихся принять на себя бремя этого царственного богатырства и укрѣпить его за своимъ потомствомъ. Но ничего не вышло изъ этихъ попытокъ: попробовалъ одинъ — не влюбилъ; попробовалъ другой — убили; попробовалъ третій — не поддерживали; попробовалъ четвертый — совсѣмъ не впустили...

Но вотъ засіялъ свѣтъ святой отъ Троицы, и сразу окрѣпла вновь русская воинская сила подъ твердой рукою князя Пожарскаго.

Еще сиротой жила Русь, еще сиротствовала идея царственного богатырства, но уже чужлось, что недолго имъ сиротствовать. Чужлось, что поднимается уже изъ нѣдръ русской земщины новый богатырскій родъ, который приметъ въ свои мощныя руки новую богатырскую идею и дастъ правильную и прочную организацію войсковымъ силамъ русскаго народа. Уже при Грозномъ царѣ народъ, какъ бы предчувствуя близкое пресѣченіе его потомства, намѣчалъ новую династическую силу въ лицѣ добраго генія и ближайшаго родственника этого царя — Никиты Романовича. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова идеаль гуманный помѣщикъ и народолюбецъ того времени, покровитель страждущихъ, кормилецъ голодныхъ и даже защитникъ опальныхъ слугъ Грознаго царя.

И вотъ, какъ только осуществили войска князя Пожарскаго свою трудную военную задачу,

такъ сейчасъ же воскресли и новые народные богатыри. Снова засіялъ свѣтъ, но на этотъ разъ уже изъ другого монастыря — изъ Ипатьевского костромского — и въ лучахъ этого свѣта увидала Русь скромнаго юношу, внука этого самаго Никиты, Богомъ предуказаннаго родоначальника новаго царственнаго потомства. Съ умиленіемъ склонила она колѣни передъ этимъ юношей, и новый богатырскій родъ вступилъ въ свои историческія права.

Какъ это ни странно, но я не стану рисовать здѣсь историческую картину длиннаго ряда блестящихъ военныхъ побѣдъ, одержанныхъ Россією подъ новымъ богатырскимъ скипетромъ. Что можетъ сказать учащимся о войнахъ трехъ послѣднихъ столѣтій преподаватель словесности послѣ того, что уже сказано имъ по этому вопросу преподавателями исторіи?

Когда я быстро перелистываю страницы русской исторіи — съ тѣмъ, чтобы уловить ту или другую общую мысль въ развитіи ея событій и высказаться объ этихъ событіяхъ, конечно — не иначе, какъ въ сжатой формѣ, — я испытываю, какъ мнѣ кажется, приблизительно тѣ же впечатлѣнія, которыя получаетъ летчикъ, глядя на землю съ аэроплана. Не знаю — никогда не бывалъ подъ облаками, но, насколько могу себѣ представить, широта и наглядность планировки открывающейся глазамъ летчика картины, а

также исчезновеніе въ туманной дали мелкихъ деталей, — все это, мнѣ кажется, весьма близко подходитъ къ тому, что испытываю я, когда изъ родной мнѣ области исторіи русской словесности мнѣ приходится предпринимать экскурсіи въ область русской исторіи.

Два мотива общаго характера хочется мнѣ развить, говоря о значеніи царствующаго Дома Романовыхъ въ исторіи развитія богатырской мощи русскаго народа.

Исходной точкой перваго мотива является то положеніе, что въ здоровомъ тѣлѣ — здоровый умъ, и что истинное богатырство есть нѣчто большее, чѣмъ богатырство тѣла. Прежде всего замѣчу, что изъ этого положенія непосредственно вытекаетъ другое: здоровый умъ, въ свою очередь, помогаетъ тѣлу становиться еще здоровѣе и крѣпче. Устанавливается такимъ образомъ тѣсная взаимная зависимость между богатырствомъ тѣла и богатырствомъ ума.

Хотя каждому понятно, насколько важное значеніе имѣетъ образованный умъ не только для военачальника, но даже и для идеальнаго солдата, — но все-таки можетъ показаться страннымъ, если мы на сегодняшнемъ праздникѣ военной мощи русскаго народа заговоримъ о служеніи Дома Романовыхъ дѣлу умственнаго просвѣщенія этого народа.

И тѣмъ не менѣе мы, все-таки, это сдѣлаемъ.

Что подѣлаешь? Мы, школа, такъ ужъ устроены, что не можемъ отказать себѣ въ удо-

вольствіи поговорить на эту тему при всякомъ — и удобномъ, и неудобномъ случаѣ. Вѣдь это составляетъ нашу жизнь, весь смыслъ нашего существованія и, во всякомъ случаѣ, значительнѣйшую долю смысла жизни всѣхъ здѣсь присутствующихъ, не принадлежащихъ ни къ сословію учащихся, ни къ сословію учащихъ.

Такъ что ужъ не взыщите!

Вотъ какая довольно своеобразная мысль объ исторической роли Дома Романовыхъ составляетъ первый изъ двухъ вышеупомянутыхъ мотивовъ, которые я хочу развить: что слова, сказанныя Пушкинымъ о Петрѣ Великомъ: *«то академикъ, то герой»*, — въ сущности, составляютъ формулу всего 300-лѣтняго царственнаго служенія Дома Романовыхъ русскому государству.

Если ближайшимъ потомкамъ Владимира Святого суждено было стать державными свидѣтелями того, какъ изъ нѣдръ русской народности появлялись одинъ за другимъ добровольные само-мученики за христіанскую идею; если позднѣйшимъ его потомкамъ предстояло стоять во главѣ постройки зданія русской государственности, то на долю Романовыхъ выпала прежде всего третья великая задача — насаждать въ Россіи просвѣщеніе.

Пораженные блескомъ генія Петра, явившагося въ полномъ смыслѣ слова идеаломъ не только историческаго, но и личнаго царственнаго богатства, мы неблагодарно отворачиваемся отъ просвѣтительныхъ идей Михаила Феодоровича и Алексѣя Михайловича,

Намъ кажется, что до Петра умственно спалъ русскій народъ, а вмѣстѣ съ нимъ спали отецъ и дѣдъ великаго преобразователя. При такой точкѣ зрѣнія только что высказанная мною мысль о томъ, что вообще Домъ Романовыхъ былъ призванъ свыше возжечь на Руси свѣтильникъ знанія и заботиться о томъ, чтобы онъ горѣлъ все ярче и ярче, — мысль эта теряетъ подъ собою почву, и вопросъ о началѣ просвѣщенія русскаго народа ставится въ исключительную зависимость отъ единичнаго генія Петра.

Въ то самое время, когда въ Москву, достигшую уже полнаго государственнаго самосознанія и успокоившуюся послѣ избранія новой царственной династїи, стали приходять кїевскїе ученые, почувшїе, что пора теперь и Москвѣ взяться за науку, — и когда стали эти ученые предлагать москвичамъ свою схоластику, свою риторику и діалектику, облюбованныя ими на ихъ юго-западной родинѣ для цѣлей религіозно-полемическихъ: въ это самое время съ высоты Престола нашего раздался голосъ перваго Романова, указывавшїй русскому народу совершенно новые пути просвѣщенія. «Вѣдомо намъ учинилось» (писалъ Михайлъ Феодоровичъ голштинскому ученому Олеарию, котораго приглашалъ въ Россїю насаждать науки), «что ты гораздо наученъ и навѣченъ астрономїю и географусъ, и небеснаго бѣгу и землемѣрю, и инымъ многимъ подобнымъ мастерствамъ и мудростямъ, а намъ, великому Государю, таковъ мастеръ годенъ». Такимъ обра-

зомъ, первый Романовъ такъ же, какъ и его великій внукъ, заботился не только о томъ, чтобы культивировать военныя сѣмена, посѣянныя княземъ Пожарскимъ, но — и о насажденіи въ Россіи наукъ — математическихъ и знаній главнымъ образомъ прикладныхъ.

Что касается всѣмъ извѣстнаго тяготѣнія «тишайшаго» царя къ западно-европейскому просвѣщенію, то укажу только вотъ на что :

«Въ лѣто отъ мірозданія семь тысячъ сто девяносто первое, мѣсяца ноемврія индиктіона 5-го» два передовые человѣка того времени — Каріонъ Истомино и Сильвестръ Медвѣдевъ подали правительницѣ царевнѣ Софьѣ стихотворное прошеніе о введеніи въ Россіи наукъ, въ которомъ, между прочимъ, такъ характеризуютъ «тишайшаго» царя и его сына Θεодора Алексѣевича :

„Блаженъ въ памяти Алексій великій
Царь Михайловичъ всей Россіи толикій,
Великой, Малой и Бѣлой державный,
Многихъ государствъ обладатель славный,
Строилъ государь по Божьей воли
Въ наученіе восхотѣвшимъ схоли . . .

Тоже государь царь Θεодоръ бывый
Алексѣевичъ всѣмъ добротворивый,
Многихъ государствъ Россіи обладатель,
Станнымъ и нужнымъ велій сострадатель,
Тщася науку въ царствѣ вкоренити.
Хотящимъ людямъ разуму острити,
Храмы многіе того для поставилъ,
Себѣ же благъ путь во небо управилъ.“

Для меня именно было важно указать на то, что сдѣлано было русскими Государями для просвѣщенія Россіи до Петра Великаго, такъ какъ дѣятельность Дома Романовыхъ въ этомъ направленіи послѣ Петра опять - таки слишкомъ общеизвѣстна. Только — нѣсколько словъ по этому поводу.

Съ поразительной географической послѣдовательностью знакомилась Россія подъ скипетромъ Романовыхъ съ просвѣщенными народами Запада: сначала съ нѣмцами и голландцами, потомъ — съ французами и, наконецъ, на рубежѣ XVIII и XIX вѣковъ — съ англичанами. И «божественны науки» (какъ назвалъ ихъ Ломоносовъ) хотя и сразу — по первому кличу Петра — начали простираться въ Россію руки, но укрѣплялись на ея почвѣ также въ известной исторической послѣдовательности: сначала математика, потомъ языковѣдѣніе, потомъ естествовѣдѣніе, потомъ — философія и, наконецъ, исторія, которую отъ самаго ея зачатія подъ перомъ Карамзина заботливо принимали подъ свою охрану опять - таки Романовы въ лицѣ Императоровъ Александра I и Николая I.

Служеніе дома Романовыхъ дѣлу русскаго народнаго просвѣщенія обнаружилось и въ широкой сферѣ покровительства литературѣ. Государи и государыни XVIII-го вѣка старались оградить личность литераторовъ чиновнымъ положеніемъ, государи XIX вѣка заботились о томъ, чтобы создать благопріятныя условія для развитія и проявленія литературныхъ талантовъ.

Такъ работали для просвѣщенія Россіи новыя богатыри наши на высотѣ Престола. Но особенно двинуло впередъ Россію въ этомъ направленіи нынѣшнее царствованіе. Подъ Державной рукой нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Николая II родилась и крѣпнетъ великая идея всеобщаго обученія русскаго народа.

Второй изъ двухъ вышеупомянутыхъ мотивовъ моихъ касается другой стороны духовнаго богатырства русскихъ Государей и народа, которымъ они правятъ — стороны нравственной.

То, что сказалъ я собственно о возвышенной личности Никиты Романовича, -- сдѣлалось драгоценнымъ завѣтомъ для всего его потомства. Что дѣлалъ древній идеальный богатырь нашъ Илья Муромецъ по отношенію къ страждущимъ и обремененнымъ единичнымъ человѣческимъ личностямъ, то стали дѣлать новыя, царственные русскіе богатыри, ихъ великіе полководцы и ихъ побѣдоносныя арміи по отношенію къ цѣлымъ народамъ. Съ великой гуманитарной идеей мира всего міра выступилъ на арену исторіи нынѣ царствующій Государь нашъ. Но не весь міръ пожелалъ мира. Не пожелало его тевтонское племя, и миролюбивый Государь вынужденъ былъ взять въ руки мечъ. Не хотите мира, — умѣемъ и воевать . . .

Вотъ второй изъ двухъ вышеупомянутыхъ мотивовъ: хотя исторически предки Романовыхъ

и не были крестьянами, но если отбросить вопросъ о сословныхъ границахъ и сосредоточить вниманіе исключительно на нравственномъ обликѣ нашего древняго идеальнаго богатыря, на его принципѣ не проливать напрасно крови даже на войнѣ — и въ то же время на его умѣньи ввести въ должныя границы всякаго «нахвальщика», — то мы почувствуемъ, что не умеръ еще Илья Муромецъ, что возсѣдаетъ онъ на Престолѣ російскомъ во всемъ величїи вѣнценосца, и что созданная имъ новая русская дружина — армія, воспринявъ всю ту военную доблесть, которую пѣвецъ Игоря приписывалъ своимъ современникамъ-князьямъ и ихъ дружинникамъ, сумѣла развернуть эту доблесть въ такомъ блескѣ, что древнимъ былевымъ сомнѣніямъ въ наличности этой доблести уже болѣе не можетъ быть мѣста.

Итакъ, удивительная гармонія элементовъ русской богатырской природы не ограничивается связью между здоровьемъ тѣла и здоровьемъ ума. Есть еще одна связь въ сочетанїи великихъ силъ этого русскаго богатырства — связь здороваго тѣла и ума съ здоровой народной совѣстью. Развиваясь всесторонне, наша русская природа выработала въ себѣ рядомъ съ богатырствомъ тѣла и ума богатырство сердца, глубоко проникнувшася евангельскими началами и въ царѣ, и въ солдатѣ; и въ интеллигентѣ, и въ пахарѣ...

Скажите, ученики и ученицы, — не приходилось ли кому-нибудь изъ васъ дѣлать такого рода орфографическую ошибку: писать слово «просвѣщеніе» черезъ букву я: просвященіе?

Ошибка эту мнѣ много разъ приходилось встрѣчать въ ученическихъ тетрадахъ другихъ учебныхъ заведеній.

Мы, преподаватели, конечно, подчеркиваемъ красными чернилами эту грубую ошибку, но... въ ней, въ этой ошибкѣ, фатальнымъ образомъ сказывается глубокая историческая истина: дѣйствительно, «свѣтъ» нашъ въ источникѣ своемъ былъ *свѣтъ святой*, и русское историческое просвѣщеніе было въ то же время и просвященіемъ... Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ насъ...

Пожелаемъ же, чтобы на вѣки вѣчные эти три элемента русскаго богатства — физическій, умственный и нравственный — были предметомъ всеобщаго удивленія и благоговѣнія народовъ.

А этого ЦАРЯ, который такъ горячо хотѣлъ мира, но, въ силу необходимости, грянулъ небывалой еще въ исторіи человѣчества войной, — этого царя, который явился истиннымъ носителемъ Свѣтильника Христова, который поставилъ себѣ задачей и всеобщее обученіе, и всеобщее воспитаніе русскихъ богатырей, — этого Царя, Боже, храни!...

02

Ar 915
манжос Г.